

Джеффри Бибб

ДВЕ ТЫСЯЧИ ЛЕТ ДО НАШЕЙ ЭРЫ

Эпоха Троянской войны и Исхода,
Хаммурапи и Авраама, Тутанхамона и Рамзеса

Джефффри Бибб

Две тысячи лет до нашей эры. Эпоха Троянской войны и Исхода, Хаммурапи и Авраама, Тутанхамона и Рамзеса

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=637875

*Две тысячи лет до нашей эры. Эпоха Троянской войны и Исхода,
Хаммурапи и Авраама, Тутанхамона и Рамзеса / Пер. с англ. Л.А.*

Игоревского.: Центрполиграф; Москва; 2011

ISBN 978-5-9524-4967-1

Аннотация

Томас Джефффри Бибб много лет был одним из руководителей ряда экспедиций в районе Персидского залива, исследуя доисторические поселения. В своей книге он показывает все важнейшие события второго тысячелетия до н. э., происшедшие не только в Египте, на Крите, в Малой Азии и Месопотамии, где были высокоразвитые цивилизации, но и на севере Европы, в русских степях и среди торгового люда и моряков. Автор подчеркивает важность повседневной жизни описываемого времени – века торговли и мира. Другая тема книги – натиск

диких всадников перенаселенных степей юга нынешней России на земледельцев Европы и на цивилизации Востока.

Содержание

Введение	5
Часть первая	11
Глава 1	12
Глава 2	38
Глава 3	58
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Джеффри Бибб
Две тысячи лет до
нашей эры. Эпоха
Троянской войны и Исхода,
Хаммурапи и Авраама,
Тутанхамона и Рамзеса

Посвящается моей матери.

Как это, в сущности, мало – семьдесят лет!

6 октября 1891—1961

Введение

На книжных полках исторической литературы довольно долго пустовало место, которое должна была занимать книга, посвященная второму тысячелетию до н. э. Именно в этом тысячелетии произошли хорошо известные события в истории человечества, жили самые знаменитые личности древности. Это период Стонхенджа и гиксосов, минойской и протоиндийской цивилизаций, хеттов, аргонатов и филистимлян, Троянской войны и Исхода, Хаммурапи и Авраама.

ама, Эхнатона, Тутанхамона и Рамзеса Великого, Моисея и Саула, Самсона и Агамемнона, Тезея и Тиглатпаласара. Эти имена слышали все, однако история этого тысячелетия остается неясной, являясь беспорядочным смешением не связанных между собой фактов.

Но теперь все изменилось. В течение последних десятилетий мы получили достаточно материалов, чтобы написать связную историю этого «потерянного» тысячелетия. И все же настоящая книга вовсе не является тем самым недостающим фундаментальным историческим трудом. Это всего лишь попытка собрать воедино известные, но разрозненные факты второго тысячелетия до н. э., поместить их, по крайней мере, в четкие хронологические рамки, показать, что, когда и где происходило.

Мне всегда было сложно воспринимать временные рамки в традиционных исторических трудах. Обычно, если описываемая эпоха охватывает тысячу или более лет, автор легко перескакивает через периоды времени, когда не происходило ничего, по его мнению, важного. Такой подход мне непонятен. Когда историк мимоходом пишет «пятидесятью годами позже», мне всегда приходилось остановиться и напомнить себе, что если в предыдущем параграфе мне было двадцать лет, то в следующем стало уже семьдесят. А если бы в предыдущем параграфе мне было пятьдесят, в следующем я бы уже умер. Точно так же, когда два не связанных между собой события происходят в одно время, это обычно не ак-

центрируется. Признаюсь, мне потребовалось довольно много времени, чтобы осознать вполне очевидный факт: такие события, как падение Константинополя (1453) и открытие Америки (1492), произошли в течение одной человеческой жизни. Возможно, для нас это и не слишком важно, но это имело огромное значение для людей, живших тогда. Невозможно дать правильную историческую оценку этих людей, если не использовать ту же меру относительной значимости, что была у них.

Это в немалой степени вопрос масштаба. Археологи столкнулись с той же проблемой. В своих набросках планов и секций, в фотографиях небольших предметов и архитектурных деталей, а также мест раскопок городов они обычно показывали градуированную шкалу рядом с предметом или зданием. Впоследствии обнаружилось, что это не только не помогает читателю, но даже может ввести в заблуждение. В последнее время археологи стали прибегать к новому методу указания масштаба изображения. На фотографиях мест раскопок обычно видна человеческая фигура с киркой, чтобы было можно соотнести размеры предметов с ростом человека. Мелкие детали чаще всего фотографируются на ладони или между большим и указательным пальцами. «Средний человек» изображается также на сечениях и планах. Человек – не такая точная «шкала», как, к примеру, рулетка, но легче воспринимается. Размер объекта сразу соотносится с привычными вещами.

Эта книга – попытка ввести такой же инструмент в историю, придать человеческий ракурс временной шкале. Мы имеем дело с тысячелетием. А тысяча лет есть не что иное, как четырнадцать человеческих жизней, если считать продолжительность одной жизни шестьдесят– семьдесят лет. Итак, за рассматриваемое в книге тысячелетие сменилось четырнадцать поколений, четырнадцать «человеческих фигур» будут сменять одна другую на временной шкале, чтобы отметить период времени между событиями. Это, конечно, больше свойственно историческим романам. Но в моей книге человеческие «актеры» являются по большей части анонимными зрителями или участниками исторических событий и присутствуют для того, чтобы, надеюсь, ненавязчиво показать шкалу истекшего времени в нашем путешествии от 2000 к 1000 г. до н. э.

Год 2000-й – плохое место для начала, а год 1000-й – также не слишком хорошее место для завершения. За триста лет до 2000 г. до н. э. первый из великих завоевателей – Саргон Аккадский – вышел к Средиземному морю из Двуречья, показав путь всем будущим империям, и бронза уже была на пути в Европу каменного века. А в конце нашего рассказа – в 1000 г. до н. э. – ассирийцы только начинали свою экспансию, которой предстояло завершиться созданием другой великой империи на Среднем Востоке, и с востока в Европе бронзового века начало распространяться использование железа. Но найти хорошее место для начала и конца, навер-

ное, вообще невозможно. В этой книге мы не пытаемся следовать вдоль одной нити или одного орнамента на украшенном богатейшей вышивкой полотне истории. Мы хотим увидеть всю картину, ее причудливые переплетения, все нити и узоры, которые составляют ткань человеческой истории, и, где бы мы ни обрезали эту ткань, нам все равно придется перерезать множество орнаментов. Нет абсолютно ничего особенного в годах 2000-м и 1000-м до н. э. Просто они легко запоминаются, а промежуток времени в тысячу лет является вполне достаточным и удобным, чтобы составить о нем содержательную книгу.

Эта книга не предназначена для профессиональных историков или профессиональных археологов. Но, если некоторые из этих глубоко уважаемых мною людей будут вынуждены прочесть ее – чтобы дать отзыв или рецензию, – я заранее приношу им свои извинения, и вот почему. Во-первых, из моей книги они не узнают ничего для себя нового. А во-вторых, я свободно хожу у забора, на котором сидят почтенные историки, непоколебимо уверенные, что почва по обе стороны забора – трясина, где нет твердой опоры, и только с высоты забора эту самую опору можно разглядеть и нанести на соответствующие карты и схемы. Я также должен принести свои извинения археологам, поскольку часто употребляю слово «люди» там, где эти профессионалы говорят «культура». Я уверен, что они используют слово «культура», чтобы не поднимать вопрос о том, предполагает ли характерный

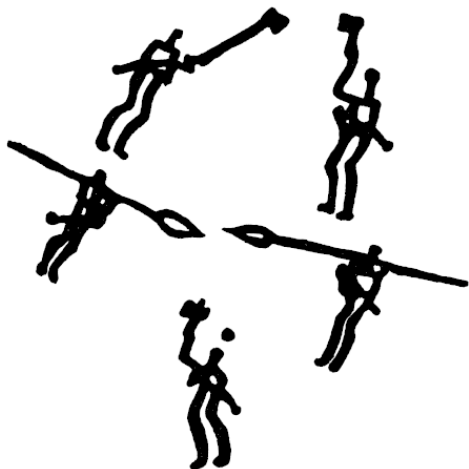
набор найденных ими артефактов также необычных людей. Лично я очень просто и совершенно ненаучно поднял этот вопрос, равно как и бесчисленное множество других вопросов.

В свою защиту могу сказать только одно: я пытался изобразить ситуацию такой, какой она, по-видимому, представлялась *живущим в то время* людям. Они *знали*, является ли то, что мы сегодня называем «культурой», сущностью народа. Они *знали*, какой аспект дискутируемого сегодня исторического вопроса является истиной. И если я могу ошибаться в выборе того, что наиболее вероятно является истиной, я тем более буду не прав, если создам впечатление, что живущие в те времена люди имели те же сомнения, что и мы. В приведенном в конце некоторых глав тексте курсивом я старался честно признаться читателям, в какой степени я ввел их в заблуждение в плане надежности и достоверности своих «фактов».

Д. Б.

Часть первая

Бронза и камень

Наскальные рисунки из Бохуслена (Юго-Западная Швеция)

Глава 1

Города

Первые лучи солнца второго тысячелетия до н. э. скользнули по Аравийской пустыне. Они кажутся жемчужно-белыми, с трудом пробиваясь сквозь низкую дымку, нависшую над только что засеянными полями на обоих берегах Нила, который уверенно несет свои воды к морю, вернувшись в собственное русло после осеннего разлива. На фоне дымки отчетливо видны деревни из тростниковых и глинобитных домиков, стоящие на возвышенностях, чтобы их не затопляло во время наводнения. Деревни живут своей жизнью. Над огороженными заборами дворами в небо поднимаются струйки дыма. Громко кричат гуси, слышится приглушенный шум, издаваемый трущимися камнями. Это женщины в ручных мельницах перетирают просо для завтрака. Заспанный мужчина выходит на порог дома, поправляя белую набедренную повязку. Прищурившись, он смотрит на солнце и рассеивающийся утренний туман.

Это утро ничем не отличается от других. Для стоящего на пороге мужчины это не начало нового тысячелетия и даже не начало года. В действительности прошел ровно месяц с тех пор, как он отпраздновал Новый год по своему летоисчислению, и он не знает, что пройдет две тысячи григорианских лет – и начнется новая эра. Зато он точно знает, что разлив

Нила закончился, поля вспаханы и засеяны просом, ячменем и льном, как они засеваются после разлива с начала времен, и теперь настанет период относительно свободного времени. Нужно будет только сажать овощи, ловить рыбу и птиц до тех пор, пока усиливающийся зной и падение уровня воды в реке не сделают орошение полей долгой и утомительной прелюдией к сбору урожая. Так было всегда. И будет всегда.

Так было вовсе не всегда. Египетский крестьянин, вышедший ранним утром во двор своего дома, ничего не знает о том, что пять или даже шесть тысяч лет назад обитатели долины Нила жили совсем иначе. Они селились в хлипких соломенных хижинах на краю лесов, тянувшихся между каменистыми пустынями и заболоченной речной долиной, охотились на зверей и птиц, которых убивали своими дубинками, бумерангами и стрелами. Из дельты на севере к этим охотникам-дикарям медленно распространялись умение обрабатывать землю и собирать урожай, разводить овец, коз и прочих домашних скот, а также навыки изготовления сыра и масла, помола зерна, прядения и ткачества. Прошли века, прежде чем удалось «приручить» долину реки, расчистить леса и осушить болота, устроить поля и соорудить простейшие дамбы. Со временем получила развитие ирригационная система, что дало возможность расширить возделываемые участки земли в сторону пустыни. Плуг появился из дельты, а когда в него научились впрягать быков, это произвело настоящую революцию в земледелии. Зерна стали се-

ять и собирать больше, появилась новая культура – лен. Папирус стал выращиваться для продажи, когда изготовление писчего материала стало необходимым после появления на Востоке письма и начала развития египетской иероглифической письменности. Сменяли друг друга поколения, медленно развивались формы правления и системы землевладения. По мере совершенствования примитивного анимизма охотников сменяли друг друга даже боги. Животные-покровители, сформировавшие тотем каждого клана, стали богами с головами животных, защищавшими отдельные территории. Потом они смешались и связались в сплоченный пантеон, в котором боги были общими для всей земли, хотя все еще ассоциировались с теми административными единицами, где появились. Каждый имел собственные черты и свою нишу во всеобщем порядке, которой управлял и которую охранял.

О том, как все это произошло, египетский крестьянин ничего не знал. Хотя и у него были свои мифы и легенды.

Легенды повествовали, что его далекие предки пришли из Пунта, священной земли, куда можно добраться, если очень долго идти на юг вдоль побережья Восточного моря. Он называл свою страну Две Земли, и величайшей личностью в его легендах был царь Мина, объединивший эти две земли (одна земля – речная долина, другая – дельта) в одно царство около четырнадцати сотен лет назад. (Это для него такое же далекое прошлое, как для нас – времена короля Артура.) Египетский крестьянин рассказывал о войнах и царях, предше-

ствовавших этому объединению, о том, как цари верхней части долины, где он жил, покорили царей нижней части долины, объединив весь Верхний Египет в Белое царство под белой короной. Мина носил белую корону до того, как присоединил к своему царству дельту, получив в результате этого корону Нижнего Египта. С тех самых пор на протяжении четырнадцати сотен лет правители Египта носили двойную корону. Сначала они правили из Мемфиса (ныне Каир), расположенного на бывшей границе между царствами, а позднее из Фив, что в 350 милях южнее, если идти вдоль долины, и недалеко от места, где стоит наш крестьянин.

Он знает немного об истории царей Мемфиса, да и не слишком ею интересуется, так же как и наш с вами современник не слишком хорошо знает и не часто задумывается о своем далеком прошлом – к примеру, о событиях периода от англосаксонских вторжений до Войны за независимость. Но наш крестьянин всю жизнь слышал рассказы о Мине, великом объединителе земель египетских, и о могущественных фараонах Четвертой династии, которые восемь сотен лет назад возвели огромные пирамиды возле своей столицы. К пирамидам он, конечно, привык, поскольку каждый фараон строил по одной, причем начинал планировать сооружение, как только восходил на трон или даже раньше. Пирамида, эмблема бога солнца Ра, является признанной формой надгробного памятника царю, который есть сын Ра и его земное воплощение. Но великие пирамиды Четвертой династии

– пирамиды Хуфу¹, Хефрена² и Менкауры³ – были несколько иными, и стоило потратить время, чтобы их увидеть. Вполне возможно, что наш крестьянин видел их, так же как миллионы прочих путешественников за восемьсот лет, прошедших после их возведения. И все они неизменно застывали, охваченные благоговейным страхом перед их колоссальными размерами – все же пирамида Хуфу имеет высоту 4800 футов⁴ – и удивленные великолепной обработкой поверхности. Нашего крестьянина отделяет от возведения этих пирамид примерно такой же период времени, какой отделяет нас от строительства Виндзорского замка.

Люди с юга – из бывшего Белого царства в долине Нила – почитают Мемфис. Хотя он перестал быть столицей страны еще двести лет назад, это все же изумительный сказочный город, изобилующий дворцами и храмами, которые построили представители десяти сменявших друг друга династий. Особенно известным был Хе-Ку-Птах – «дом духовного воплощения Птаха», который был богом учения и местным божеством Мемфиса. Он был настолько знаменит, что дал название всей стране – греки называли его *Aigyptos*, а англичане – *Egypt*.

А Мемфис был воротами на север для обитателей долины,

¹ Хеопс. (Здесь и далее примеч. пер.)

² Хафра.

³ Микерин.

⁴ 146,3 метра.

проходом в дельту, в прежнее Красное царство.

Дельта всегда была несколько более цивилизованной, чем долина, особенно в южной части. Она находилась ближе к другим древним цивилизациям и растущим средиземноморским торговым путям, она была плодороднее и более населенной. То, что умение обрабатывать землю, а также многие другие технические и экономические инновации пришли на южные земли из дельты, было уже давно забыто, но на юге у людей сохранилось чувство, что они принадлежат к бедной, менее урбанизированной, хотя и более сильной, мужественной культуре. (Примерно такое же чувство существует в Шотландии по отношению к Англии.) Все же Мина пришел с юга, и теперь именно юг правил всем Египтом.

Основные моменты истории последних трех столетий были хорошо известны даже самому необразованному обитателю юга. Сочетание слабых царей Мемфиса и сильного духовенства в дельте позволило правителям южных областей, которые изначально назначались фараоном, получить наследственные права и тем самым стать вполне самостоятельными «баронами», хотя номинально и подчинявшимися царю. Долгое время между ними существовало внутреннее соперничество. Так, следующие друг за другом правители Сиута сохраняли лояльность царю и неоднократно от его имени подавляли зарождающиеся бунты независимых баронов Фив. Но около 2300 г. до н. э. Интеф из Фив объявил о своей независимости и принял титул фараона. Очевидно, мемфис-

ские правители больше не могли его сдерживать. Его сын тоже звался Интеф и взошел после отца на трон Фив. После него было несколько фараонов, носивших имя Ментухотеп, по-видимому бывших отпрысками другой ветви того же семейства. Линия Интефов продолжалась, хотя сами они больше не правили. В период правления Ментухотепа II на юге народная революция свергла последнего из старых мемфисских царей, их дворец был разграблен. Ментухотеп II воспользовался представившейся возможностью, выступил со своей армией на север, подавил революцию и взял на себя управление всем Египтом. Он оставил Фивы своей столицей, и во время его правления, а также трех его преемников, причем все они носили имя Ментухотеп, наблюдался приток скульпторов и архитекторов из Мемфиса, в конечном итоге превративших Фивы из провинциального городка во вполне достойную столицу государства. Ментухотеп III имел государственного министра по имени Аменемхет, который вел свой род от Интефов, и, вероятно, его сын, тоже звавшийся Аменемхет, был министром при Ментухотепе V.

Мы уже вплотную подошли к 2000 г. до н. э., и только год или два назад наш крестьянин услышал о рейдах в дельту племен из пустыни, как с запада, так и с востока. Вероятно, они совпали с народными волнениями в дельте, хотя точно мы этого не знаем. Но и вторжения, и волнения были подавлены твердой рукой Аменемхета. Этот человек весьма амбициозен и, вероятно, считает себя законным наследником

Интефов. После подавления волнений он является реальной политической силой в стране, и низложение Ментухотепа и провозглашение его фараоном – всего лишь вопрос времени. Итак, восход солнца второго тысячелетия до н. э. сопровождают слухи о смене династии.

Солнце уже час как взошло в небе над Месопотамией, когда его первые лучи коснулись берегов Нила. Долины Тигра и Евфрата и Нила разделяет восемь тысяч миль пустыни, и лишь очень редко новости о событиях в одной долине доходят до жителей другой быстрее, чем за пять-шесть месяцев. Крестьяне, идущие на поля Месопотамии, ничего не знают о приходе к власти Аменемхета и почти ничего о жизни, обычаях и истории Египта. У них собственная жизнь и свои традиции.

Они, как и египтяне, являются потомками древних земледельцев. Более четырех тысяч лет назад кочевые племена охотников, жившие у подножий холмов к востоку от долины, начали сжигать траву и сеять зерно. Они строили небольшие деревни в северной части долины. Это были далеко не первые земледельцы на земле. Эта честь, насколько известно сегодня, принадлежит населению Иерихона, древнего города на берегу реки Иордан, севернее Мертвого моря. Эти люди уже в 6800 г. до н. э. жили в окруженном стенами городе и занимались земледелием. Вскоре после этого умение сеять зерно и приручать скот достигло севера Ирака. Но прошло

довольно много времени, прежде чем поселенцы начали осушать болота нижней части долины, где Евфрат и Тигр сближаются друг с другом и образуют единую речную систему.

Эти дни ранних поселений уже давно забыты, и нам, вероятно, следует воздержаться от усложнения нашего повествования упоминанием о забытых событиях. Как и египтянин, житель Месопотамии твердо знал, что посевной сезон и сезон сбора урожая существовали с начала времен.

Но сельское хозяйство в Месопотамии существенно отличалось от египетского. Также отмечалась большая разница между сельским хозяйством на юге и на севере Месопотамии. На севере, в районе нефтяных месторождений Мосул и Киркук, первые земледельцы строили деревни. Это страна обширных нагорий и крутых склонов, с холодной зимой и сухим жарким летом. Это район зимних дождей. Здесь имелись обширные пастбища, а на обрабатываемых землях выращивали ячмень и эммер⁵, которым хватало естественной влаги для того, чтобы вырасти и созреть. Сеять можно было в любое время, главное – убрать урожай до начала иссушающего летнего зноя. Можно было собирать два урожая в год.

На юге, начиная от местности, расположенной севернее Багдада, до болот, которые сейчас, как и тогда, тянутся до самого Персидского залива, ситуация внешне напоминала египетскую. Уровень воды в Тигре и Евфрате поднимается и опускается – этот процесс связан с таянием снегов в горах

⁵ Эммер – вид пшеницы.

Турции и Персии, и обе реки, особенно Евфрат, при подъеме несут очень много важного для плодородия почвы ила. Тигр и Евфрат поднимаются на максимальную высоту на два месяца раньше, чем Нил, — в июне и июле, — и тогда, если им ничто не препятствует, затопляют обширные пространства, так же как Нил. Но Нил течет по узкой долине, и крестьянин 2000 г. до н. э. мог наблюдать за его разливом с чувством глубокого удовлетворения, твердо зная, что через два месяца река вернется в прежнее русло и останется только вода в построенной им запруде, предназначенная для его собственных нужд. Крестьянин совершенно плоской долины Тигра и Евфрата относился к наводнению как к катастрофе. Если ничего не предпринимать, вода заливала землю на много месяцев и никогда полностью не возвращалась в русло. Евфрат течет в русле, проложенном в его же иловых отложениях, которые нередко поднимаются выше, чем окружающая местность. Обе реки вполне могли после наводнения выбрать для себя новое русло, совершенно отличное от прежнего, а смена русла вела к затоплению возделанных земель или, наоборот, к засухе на высоких участках, причем вода для орошения «удалялась» на многие мили.

Насущной проблемой для первых поселенцев юга стало укрощение рек-близнецов, также следовало укротить и Нил. И они были укрощены. Гигантские земляные дамбы укрепили берега великих рек, от них были прорыты каналы. Эти каналы выполняли тройную функцию. В период подъема во-

ды они отводили опасную воду. Когда же уровень воды начал снижаться, шлюзовые ворота закрывались и вода оставалась в каналах для использования в сухое время года. И наконец, по каналам вода поступала в засушливые районы, не подвергавшиеся естественному затоплению. Страх перед неуправляемой водой и умение ее использовать глубоко укоренились в умах обитателей юга Месопотамии, как и в умах современных голландцев. Любимая тема их сказаний – мифическая борьба между богом Энлилем и водяным чудовищем Тиаматом, в которой Энлиль одерживает верх и подчиняет монстра своей воле. И каждый ребенок знает о Великом потопе, который затопил всю землю, и только Зиусудре удалось спастись самому, спасти свою семью и домашний скот в ковчеге, который ему посоветовали построить боги. В представлении жителей юга Месопотамии потоп – не мифическая история, а реальное историческое событие далекого прошлого. Археологи действительно нашли следы катастрофического наводнения, происшедшего на полторы-две тысячи лет раньше, чем описываемый нами период.

Крестьяне, в первое утро второго тысячелетия до н. э. бредущие на свои поля вдоль каналов Южной Месопотамии, несколько отличаются от жителей какой-либо другой страны. Обитатель Месопотамии – прежде всего житель своего города. И это естественно. Он обрабатывает высокоплодородную аллювиальную почву, землю, которая, по его же собственным «налоговым декларациям» (у нас они есть), дает

урожай, в тридцать три раза превышающий затраты на посевное зерно. Но, чтобы обрабатывать ее регулярно и качественно, ему необходима дорогая и сложная система водоснабжения. И еще ему нужны инструменты. Возможно, где-то в другом месте инструменты можно сделать прямо на месте – из дерева и камня. Но в аллювиальных почвах Нижней Месопотамии камней нет, да и с твердой древесиной там проблемы. С самого начала жители этого региона были вынуждены производить не только то, что необходимо для пропитания, но и некий излишек, который можно было бы обменять на требуемое оборудование – мотыги, серпы, лопаты, молотки. Это потребовало на самом раннем этапе создания центральной власти, которая могла организовать строительство каналов в достаточно широких масштабах и устроить продажу излишков сельхозпродукции в регионах за пределами аллювиальной зоны и покупку там недостающего сырья. В результате появились города-государства, состоящие из городского центра торговли, производства и администрирования, который поддерживал и сам поддерживался окружающим его районом, где находились возделываемые земли и крестьянские деревни. Город-государство – независимая или полунезависимая политическая единица.

В результате крестьянин не являлся типичным обитателем Месопотамии, как это было в Египте. В городах-государствах было очень много ремесленников и коммерсантов. С самого начала города-государства были тесно вза-

имосвязанными административными единицами. Причем управление велось в таких формах, которые современный наблюдатель назвал бы коммунистическими. Следует соблюдать большую осторожность, применяя современную терминологию к жизни наших далеких предков, а параллель здесь, естественно, не вполне корректна, хотя и достаточно близка, чтобы прийти на ум.

Средствами производства в государстве владел бог этого государства, а управлял – правитель, одновременно являвшийся главным жрецом соответствующего бога. Группа жрецов составляла орган управления. Жители государства не владели ничем, кроме дома, движимого имущества и инструментов для своего ремесла. Земля – собственность храма, и крестьяне отдавали фиксированную часть урожая храму или даже были его наемными рабочими. Ремесла, такие как ткачество, пивоварение, металлообработка, плотницкое дело, камнеобработка и ювелирное дело, развивались в храмовых мастерских, рабочие которых получали фиксированную плату. Церковь организовывала торговые караваны и складывала в амбарах и хранилищах излишки товаров – ячменя и шерсти, кунжутного масла и фиников. Она платила зарплату ячменем многим наемным рабочим. Губернатор отвечал за оборону государства, имел небольшую регулярную армию и мог, если потребуется, призвать народное ополчение. Губернаторство обычно переходило от отца к сыну.

Около 2000 г. до н. э. все изменилось. Случилось то,

что можно назвать капиталистической революцией. Конечно, она произошла не одновременно во всех городах-государствах, которых было примерно двадцать, но приблизительно в одно и то же время. В церковных архивах мы находим записи о независимых группах торговцев, которые платили налог на импорт и даже финансировали частные предприятия, взяв ссуду у храма. На рынке стали продаваться и покупаться большие и маленькие поместья. Церковь тоже не теряла времени, расширяя свои владения. Революция шла бескровно. Тем не менее изменилась вся экономическая структура – теперь она базировалась на личной инициативе и владении собственностью.

Жители Нижней Месопотамии, должно быть, осознали перемену. Она произошла слишком быстро, чтобы стать незаметной. И они, несомненно, лучше нас знали ее причины. Ведь корни этих причин уходили в сравнительно недавнюю историю – события, которые начались около трехсот лет назад, но их кульминация пришлась на жизнь последних двух поколений.

В Южной Месопотамии в то время жили представители двух народов – шумеры и семиты. Они смешивались на всех уровнях. Если наши крестьяне у дамб хорошо выбриты, низкорослы и говорят между собой отрывисто и немногословно, это, конечно, шумеры. Если же они повыше ростом, худые, носят бороды и длинные волосы, а их речь льется плавно, изобилует согласными звуками, это семиты.

Когда именно предки этих народов появились в Месопотамии, шумеры и семиты второго тысячелетия до н. э. вполне могли знать. Но мы не знаем. Нам известно, что за последнее время семитов стало больше. Пришли и амориты⁶ из пустынь на западе. И еще мы знаем, что пятьсот лет назад семиты уже здесь были. Практически нет сомнений в том, что они тоже являются пришельцами с запада, из великой колыбели семитских народов на Аравийском полуострове. Шумеры могли жить в речной стране дольше, во всяком случае, первые рукописные документы – таблички из обожженной глины – написаны на шумерском языке. Более того, используемая система письма была явно создана, чтобы соответствовать шумерскому языку, и теперь, когда семитские писцы используют ее для записи текстов на своем языке, они сталкиваются с немалыми трудностями. Возможно, шумеры первыми заселили заболоченные территории в низовьях рек, хотя сами они этого не утверждают. Современные исследователи обычно считают, что шумеры изначально пришли с севера, потому что на их языке «страна» и «гора» – одно и то же слово. Шумеры называют себя «черноголовыми», вероятно имея в виду цвет волос, – это может говорить о том, что некогда они жили рядом со светловолосыми людьми. Все это вроде бы указывает на Кавказ. Тем не менее сами они говорят, что их предки прибыли по воде из Персидского залива. Возможно, так оно и было. Шумеры довольно долго до-

⁶ Они же амореи.

минировали в Нижней Месопотамии. Семитов было меньше числом, да и политической силой они не обладали. Коммунистическое храмовое правление было шумерским по языку и осуществлялось людьми, носившими шумерские имена. Но примерно четыреста пятьдесят лет назад (у нас в это время произошло объединение Англии и Шотландии) в северной части низовьев рек возник целый ряд городов-государств, созданных по образу и подобию расположенных южнее шумерских городов, однако их обитатели говорили на семитском языке. Следующие сто пятьдесят лет были весьма беспокойными с почти непрерывными войнами и постоянными интригами между городами-государствами – семитскими и шумерскими. Один за другим они заявляли о своем господстве над другими, иногда утверждая это господство силой. Некоторые правители даже начинали именовать себя царями. В конце концов за триста лет до начала второго тысячелетия до н. э. сын чиновника в Кише, крупнейшем из семитских городов, захватил власть на севере и переименовал себя в истинного царя Саргона. В 2289 г. до н. э. он нанес поражение лидеру южной конфедерации, и впервые вся Южная Месопотамия оказалась объединенной под властью одного правителя.

В памяти жителя Месопотамии 2000 г. до н. э. период правления Саргона Аккадского три сотни лет назад – это эпоха славы. За пятьдесят шесть лет своего правления он организовал военные кампании во всех направлениях, добрав-

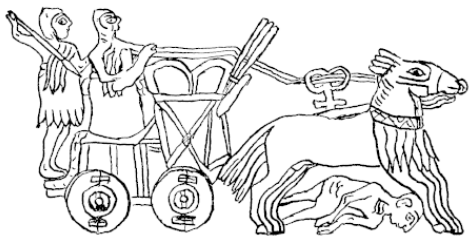
шись до края земли. Он завоевал Северную Месопотамию и пошел за Евфрат на запад через горы, пока его армия не подошла к берегам Средиземного моря. На юге он заявил о своем господстве над путем к Персидскому заливу. Его воины хвастались, что владения Саргона простираются «от верхнего моря до нижнего моря»⁷. Такой империи мир еще не знал, и ей предстояло стать грозным вызовом для будущих завоевателей.

Саргон и его столь же великий внук Нарам-Син⁸, который после долгого периода беспорядков и восстаний все-таки восстановил империю деда и правил ею в течение тридцати лет, являются более известными и понятными фигурами для жителя Месопотамии 2000 г. до н. э., чем последующие правители. Нарам-Син умер менее двухсот лет назад, и память о нем еще жива. Но его империя пала под натиском племен с персидских нагорий. Они удерживали Месопотамию сто лет, хотя в конце этого периода города юга из практических соображений получили независимость. Речь идет о древнем городе Уре, который сбросил чужеземное правление и снова объединился с Месопотамией. Хотя шумерам это было неизвестно, их господство на этой земле заканчивалось. Люди, жившие в 2000 г. до н. э., видели угрозу со стороны эламитов на востоке и семитских аморитов на западе. Шестнадцать лет назад была свергнута династия Ура. Иби-

⁷ Верхнее море – Адриатическое, нижнее – Тирренское.

⁸ Он же Нарамсин, Нарам-Суэн.

Син, царь Ура, был уведен в плен в Элам, и марионеточное государство эламитов со столицей в Исине занимало только небольшую часть страны. Киш снова стал центром семитской конфедерации на севере, а новые семитские амориты создали новую южную конфедерацию со столицей в Ларсе.

Шумерская боевая колесница, изображенная на так называемом «Штандарте из Ура». Это было медленное и неповоротливое транспортное средство с четырьмя массивными колесами. Ее тянули ослы. Тем не менее это была первая попытка механизации армии, положившая начало масштабным изменениям в методах ведения военных действий

Очевидно, что именно период затяжных войн и подъема власти семитов разрушил старый храмовый коммунизм. Саргон и его сыновья вознаградили своих демобилизованных ветеранов землей, и кочевые племена жителей пустыни, прибывая со своими стадами и отарами, охотно передавали их могущественному государству. Когда же частная

собственность была признана хотя бы частично, люди уже не желали быть наемными слугами государства, получавшими плату. Когда священнослужители лишились возможности силой навязывать церковную собственность на средства производства, капиталистическая революция начала быстро развиваться под действием движущей силы желания народа владеть собственностью.

Сельхозработное, которых мы видели этим зимним утром бредущими на работу и которые теперь едят свои ячменные лепешки и сушеную рыбу, укрывшись от ветра за дамбой и натянув на головы капюшоны своих шерстяных плащей, таким образом, могут уже быть землевладельцами. Но скорее они арендаторы, выплачивающие владельцу арендную плату в размере одной трети собранного урожая. Наступило время посева ячменя, и все крестьяне заняты, слишком заняты, чтобы охотиться или ловить рыбу, хотя они и держат под рукой свои копья с бронзовыми наконечниками. Времена беспокойные, да и львы отнюдь не редки на земле Двуречья. Встречаются даже дикие слоны, хотя и не часто. В целом дикие звери довольно редко забредают в обитаемые районы. Граница между пустыней и возделанной землей лучше соблюдается животными, чем людьми.

Солнце, вставшее над Нилом и Двуречьем, поднялось высоко в небе и над долиной Инда, раскинувшейся далеко к востоку за гористыми плато Персии. Здесь находится самая

крупная речная система из всех упомянутых, которая шире Нила, длиннее Тигра и Евфрата. Комплекс параллельных рек и притоков – известные семь рек Пенджаба, многие из которых в наше время высохли, – занимает тысячи миль долины, неся растаявшие снега Гиндукуша и Каракорума к Индийскому океану. Эта долина покрыта болотами и джунглями и сильно отличается от пустыни, по которой Инд течет в наши дни. Вероятнее всего, муссонные дожди в те времена доходили дальше на север, чем сегодня. Также может быть, что в горах было больше дождей и снега, питавших реку. Но сегодняшняя пустыня создана по большей части руками человека, она является результатом неумеренного сельскохозяйственного использования, за которым последовало уничтожение плодородного слоя почвы и пренебрежение мерами по его восстановлению. В 2000 г. до н. э. земля еще не страдала, но сельскохозяйственное использование уже было в самом разгаре.

Как и долины Нила и Месопотамии, долина семи рек была занята древней земледельческой цивилизацией. Она раскинулась на обширной площади. Ее небольшие города и укрепленные поселения расположились на 850 милях вдоль побережья, простираясь от границ Персии до окрестностей Бомбея. Внутри страны она тянется на восемьсот миль вдоль речной системы Инда через предгорья, отделяющие верховья Инда от верховьев Ганга. Каждый город и деревня имеет орошаемые площади, кормящие их жителей. Большинство

обитателей долины Инда живут в городах и жилищах, разбросанных среди полей. С крупными полунезависимыми городами Месопотамии здесь нет никакой параллели. Вместо этого, как в Египте, правительство всего района централизовано, хотя здесь, в отличие от Египта, в двух крупных городах. Нижний Инд имеет столицу Мохенджо-Даро – город, расположенный на большой излучине реки в двухстах пятидесяти милях от моря. Верхним Индом управляет город Хараппа, расположенный в пятистах милях дальше к северо-востоку.

Мохенджо-Даро и Хараппа – большие города по стандартам того времени. Необходимо не менее тридцати минут, чтобы пройти из конца в конец по их широким улицам. Гость из Мемфиса или из Ура, привыкший в своем родном городе к беспорядочным, извилистым улочкам, украшенным цветистыми фронтонами храмов, сочтет эти прямые пыльные проспекты с расположенными по центру дренажными канавами и бесконечными фасадами побеленных кирпичных домов без окон нелепыми и монотонными. Но многонациональная толпа, собирающаяся на этих улицах, не знает городов другого типа, да и пестрые костюмы жителей в значительной степени скрадывают аскетизм архитектуры. Здесь встречаются представители самых разных народов: одетые в шерстяные одежды монголы с северных холмов и темнокожие, почти негроидного типа дравиды с юга в свободных хлопчатобумажных одеяниях. Здесь есть арменоиды, выде-

ляющиеся своими напоминающими клюв носами, и желтокожие, темноволосые люди, которые не вызвали бы удивленных вопросов на берегах Средиземного моря.

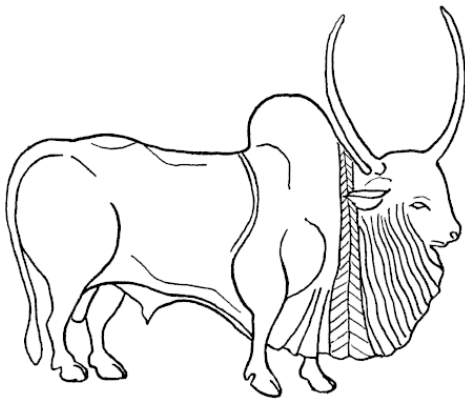
Монотонность строений нарушается массивными стенами цитадели, поднимающимися и в Хараппе, и в Мохенджо-Даро к западу от города. Цитадель – не только центр правительства. Это также центр религии, торговли и службы налогообложения. Сельский житель, входящий в Мохенджо-Даро с запада, взбирается по крутой лестнице, сооруженной в толще крепостной стены, и, остановившись наверху, чтобы перевести дыхание, видит слева от себя массивное сооружение муниципального зернохранилища. На пандусе внизу стоят четырехколесные телеги с впряженными в них быками, с которых выгружают мешки с пшеницей и ячменем, и, вероятно, кипы хлопка, которые на канатах поднимают в хранилище. Для него зерно – не только продовольствие. Это еще и универсальное средство платежа, а зернохранилище – одновременно национальный банк и государственный департамент финансовых сборов, так сказать, два в одном. Поэтому он по праву занимает место в цитадели или, как в Хараппе, располагается в непосредственной близости от нее. С того места, где стоит наш путник, он не видит процесса превращения зерна в муку, которой обычно производится платеж. Помолом занимаются муниципальные рабочие. Но он знает, что они трудятся не покладая рук. По пути в расположенный внизу город путник видит и другие

здания цитадели, прежде всего – огромные бани, расположенные между зернохранилищем и храмом. Там в предписанные религиозными традициями праздничные дни производятся церемонии омовения. Он обходит бани с юга и видит одну из резиденций правительства – большой, опирающийся на столбы зал собраний. Путник идет дальше, чтобы купить хлопчатобумажную ткань и масло, за которыми он, собственно, и пришел, в одной из лавок, после чего долго торгуется, пытаясь снизить арендную плату за осла, без которого он не сможет доставить свои покупки в деревню.

Мы должны признать, что ничего не знаем о форме правления, существовавшей в долине Инда, равно как и о предшествующей истории региона, нам также почти ничего не известно о местной религии. Причиной тому – невозможность расшифровать пиктографические письма, которыми пользовались там. Нетрудно себе представить два государства. Каждое управлялось одним из двух городов – как Верхний и Нижний Египет до объединения или как Вавилония и Ассирия в более поздние времена. Близкое соседство правительственных зданий, государственного зернохранилища и бань предполагает жреческое правление или, по крайней мере, существование государственной религии. Бани – публичные и частные – являются характерной чертой индских городов, поэтому есть все основания полагать, что купание имеет религиозное значение, как в индуистской религии наших дней. У религии было много других аспектов. Большое

число животных считались священными, в первую очередь, по-видимому, бык, а бог, изображенный на нескольких квадратных печатях, которыми пользовались городские купцы, имеет много качеств, сегодня ассоциирующихся с именем Шивы. Иными словами, некоторые характерные черты сегодняшнего индуизма, вероятнее всего, зародились еще во втором тысячелетии до н. э. в долине Инда.

Представляется вероятным, что южную область долины Инда со столицей в Мохенджо-Даро ее обитатели называли Мелуххой. Жители Месопотамии знали о стране с таким названием, в которой правило много царей, и располагалась она далеко от Персидского залива. Из Мелуххи они ввозили золото и слоновую кость, сердолик и лазурит. Вряд ли их можно было привезти откуда-либо еще, кроме Индии. Еще одним подтверждением может служить тот факт, что завоеватели протоиндийской цивилизации более позднего времени называли обитателей долины Инда млечха.

Браминский бык, воспроизведенный с изображения на хараппской печати, представлен на многих печатях цивилизации Индской долины и вполне мог быть священным уже тогда, как и сейчас

Что занимало мысли сельского жителя, стоящего на верхней ступеньке цитадели в Мохенджо-Даро, мы просто не знаем. Мы уверены, что он обладал такими же подробными, частично поверхностными и, безусловно, романтизированными знаниями о прошлом своего народа, как жители Месопотамии и Египта. Он являлся наследником по меньшей мере семи поколений горожан, обладавших знаниями организованного ведения сельскохозяйственных работ. Это мы можем доказать. Но вполне вероятно, цивилизация в долине Инда возникла намного раньше, так давно, что о ее началах

не осталось даже мифов, которые изображают доходчивую картину народного прошлого. Можно с уверенностью утверждать, что существуют сказания о царях и войнах, связанные с настоящим моментом, правительственными структурами, решениями, возможностями и недовольствами первого дня второго тысячелетия до н. э. в долине Инда.

Глава 2

Леса

В предрассветной тишине замерла поляна. Небо на востоке уже начало светлеть. На его фоне отчетливо видны темные, четко очерченные силуэты сосен. На западе, за расчищенными от деревьев полями и болотами прибрежной полосы, уходящая луна протянула за собой серебристую дорожку на мрачных водах фьорда. В струдившихся деревянных домиках спят люди, закутавшись в шкуры убитых ими животных и придвинувшись как можно ближе к очагу. Низкие двери плотно закрыты, чтобы защитить людей от зимней стужи. Новое тысячелетие пришло незамеченным и в лесные поселения Северной Европы.

Был, конечно, страж, но он задремал у костра, разведенного с подветренной стороны хижины, где складывали припасы, неподалеку от загона для скота и овец. Местные жители были довольно дружелюбными – такое положение не менялось уже в течение нескольких поколений. Стража была только мерой предосторожности против волков или мародерствующих рысей. При этом на скот в загоне можно было положиться – домашние животные дадут знать о приближении хищника.

Поселение было типичным среди множества других, разбросанных по берегам фьордов и в поросших лесом низинах

Южной Скандинавии. Оно было новым. Поля были отвоеваны у леса не более трех лет назад. Однако пришедшие сюда люди были не первыми на этой территории. Когда была покинута бывшая деревня и ее жители прошли семь миль по гористой местности на новую площадку, указанную им богами, они обнаружили массивные старые пни среди молодой растительности. Это говорило о том, что когда-то давным-давно здесь уже обрабатывали землю. Обнаружилась даже древняя каменная гробница – там, где холмы сменяются ровным участком эстуария: гигантский камень долмена, который возвышается над низким курганом, скрывающим стены, заросший кустами ежевики вход, полусгнившая дверь. Люди очистили пещеру под камнем и использовали ее для первых двух захоронений своих соплеменников. Но в прошлом году они устроили другое место для погребения – большое помещение со стенами из вертикально поставленных камней и крышей, сделанной из не менее шести массивных плит, вплотную подходивших к каменным стенам. Все сооружение было покрыто землей. Люди по праву гордились новой гробницей, взирали на зеленый дерн над белыми известняковыми плитами с удовлетворением, к которому, однако, примешивался страх. Не проходило и месяца, чтобы по ведущей к ней дороге не прошла процессия с подношениями, кувшинами с едой и напитками для духов трех мертвецов, которые уже находились внутри.

Но, хотя эти люди почитали своих отцов и дедов и педан-

тично снабжали их должными подношениями, они почти не вспоминали о тех, кто жил на этом же месте в далекие времена. Они даже бесцеремонно выкинули из дольмена старые кости, лежавшие толстым слоем на полу, чтобы освободить место для своих захоронений. Вообще на берегах фьордов и в лесах было очень много признаков того, что здесь когда-то уже жили люди: частично заросшие участки земли, некогда очищенные от растительности, поросшие мхом гниющие остатки деревянных домов.

Люди знали, что деревня не вечна. Максимум через дюжину лет урожаи проса и ячменя начинали резко падать, приходилось бросать насиженное место и искать новое. Когда же лес снова обретет отвоеванное у него пространство, к истощенной земле вернется сила, и довольно скоро, на протяжении жизни одного поколения, появится возможность возвратиться на свои заросшие молодым лесом поля, очистить их огнем и снова начать сеять зерно. Так жили здесь, на берегу холодного Северного моря.

Хотя они, строители погребальных сооружений и сеяльщики зерна на лесных участках, уже давно жили на этой земле, из преданий своего народа им было известно, что их предки пришли с юга. Они могли рассказывать предания о первых поселенцах, появившихся здесь около 500 лет назад, — для сравнения, примерно столько же лет отделяют нас от открытия Америки. Эти люди поддерживали глубокие семейные связи и семейную вражду с людьми, жившими

на земле, откуда пришли их отцы, — вплоть до венгерских равнин. Молодые искатели приключений иногда отправлялись в странствия по древним миграционным путям и годами путешествовали от одного племени к другому среди своих далеких кровных братьев и, если возвращались, привозили семейные новости, а также, возможно, жену, быка или ви-той медный браслет как видимое доказательство богатства и изысканности сказочных южных земель. Обладателям медных предметов завидовали, поскольку металлические украшения и орудия было очень трудно добыть. Правда, иногда медные топоры привозили через западное море на случайных судах. Но, чтобы купить такой топор, нужно было копить всю жизнь, и, если молодой человек стремился стать обладателем этого символа богатства и культуры, ему следовало самому отправиться в путь и добыть его.

Другим приходилось довольствоваться орудиями из кремня. И люди, искусные в изготовлении кремневых орудий, не боялись конкуренции металла. Наоборот, они чрезвычайно гордились своей работой, производя из местного красно-коричневого кремня топоры, копья и даже алебарды, которые с расстояния в несколько шагов были неотличимы от медных.

В противоположность богатой и разнообразной городской жизни на давно обрабатываемых землях Среднего Востока, с их рабочими-металлистами и плотниками, огранщиками драгоценных камней и купцами, писцами, мельниками и тка-

чами, эти поселенцы на новых землях имели только одного специалиста – обработчика кремня. Ну и жрецов, конечно. Всю остальную работу поселенцы делали сообща, и только по прошествии веков стали делить ее на мужскую и женскую. Женщины работали в поле серпами, мололи зерно в каменных ручных мельницах. На них также были возложены выпечка лепешек, ткачество и изготовление горшков. Мужчины ухаживали за скотом, доили его, охотились, плотничали, возможно, также сеяли зерно. Они валили лес и вырубали подлесок, хотя в конечном выжигании участков под новые посевы принимало участие все население, за исключением маленьких детей, которые в это время пасли свиней в лесу на безопасном расстоянии от огня.

Так жили эти люди, не ведая о происходящих на Земле переменах. Может показаться, что у них была примитивная, но энергичная демократия. Конечно, существовали старейшины и вождь каждой деревни. Отдельные деревни были связаны между собой тесными родственными узами. Но не было лордов-автократов, дворцов и поместий. Рабство принималось как естественный институт, но рабов было очень мало, поскольку было мало войн. Держали ли они скот и урожай сообща, мы не знаем, но есть все основания полагать, что так оно и было или к этому шло. О классовых противоречиях тогда еще не знали. Конечно, существовали местные жители – рыбаки в прибрежной полосе и охотники в глубинке, не слишком сильно заросшей лесом. Но везде социаль-

ные барьеры были сломлены – и оставались таковыми в течение многих поколений. Никогда не было заметных расовых различий между поселенцами и туземцами – охотниками и рыболовами, жившими здесь во времена, когда еще не знали земледелия. Охота и рыболовство оставались весьма прибыльными занятиями, но прибрежные деревни начинали заниматься также скотоводством и земледелием и часто были практически неотличимыми от усадеб колонистов. Однако, поскольку рыболовство удерживало людей на определенном месте, их успехи в сельском хозяйстве оставляли желать лучшего – земледелие и скотоводство были для них не более чем вспомогательными занятиями.

Крестьяне, возможно, знали внешний мир лучше, чем мы сегодня можем предположить. Было много путешественников, которые более чем охотно делились новостями о местах, в которых побывали, обеспечивая себе гостеприимство жаждающих услышать их рассказы хозяев. Сидя под раскидистым деревом в конце широкой деревенской улицы теплой светлой ночью в середине лета или собравшись вокруг костра осенью, бородатые деревенские жители в домотканых плащах жадно слушали очередного путешественника. Позже они сравнивали его рассказы с теми, что слышали от других путешественников, или с собственными воспоминаниями юности. Женщины слушали, разливая напитки или готовя ужин, их тяжелые янтарные бусы поблескивали в свете пламени. Они слышали о богатых землях Египта и Месопотамии.

тамии – так сегодняшний перс кое-что знает о Нью-Йорке, – но не имели никакого представления о направлении, где те находятся, только о расстоянии. Все они точно знали, что это слишком длительное путешествие, чтобы в него стоило пускаться. Зачем нужна вся бронза Востока, если твои дети станут взрослыми прежде, чем ты возвратишься. Эти люди слышали о Центральной Европе и Дунае, поскольку там жили их дальние родственники еще с начала времен. И, как мы увидим в последующих главах, Северное море все чаще переплывали суда, везущие нехитрые предметы торговли и разнообразную информацию.

Пользуясь аналогичными каналами, крестьяне Англии и Шотландии, Северной Франции и Центральной Германии узнавали о существовании земель Южной Скандинавии, хотя вполне могли считать их заросшими непроходимыми лесами. В долинах Южной Норвегии и Центральной Швеции движущая сила колонизации быстро снизилась, а вскоре и вовсе сошла на нет – там дубовые и ясеновые леса сменяются плотными рядами сосен, а короткое лето и суровая зима делают жизнь земледельца тяжелой и безрадостной.

В более приветливых землях Южной Англии жизнь была вполне приятной, хотя и не отличалась радикально от жизни датских поселенцев. В ночь накануне начала второго тысячелетия до н. э. пастбища Уиндмилл-Хилла были безлюдными и заснеженными. Только дважды в год – весной и осенью – здесь звучат крики и смех пастухов и зрителей. Сей-

час в защищенных холмами долинах уютно расположились небольшие деревушки. Скот пасется на заливных лугах с минимальным количеством пастухов. Погода тогда была мягче, чем теперь, и не было никакой необходимости, как в расположенной севернее Дании, собирать его на зиму в загон и заготавливать для него пищу. (Только с ухудшением погодных условий, имевшим место спустя полтора тысячелетия, появилась необходимость загонять скот на зиму в помещение.) Дома были легче и не такие жестко прямоугольные, как массивные деревянные постройки Скандинавии, но домашние принадлежности в них почти одинаковые. Бронза, конечно, встречалась чаще, хотя тоже завозилась издалека и потому использовалась скорее для украшения жилища, чем в функциональных целях. Жителям вполне хватало камня, дерева и кремня, правда, здесь не нашлось места тяжелым лесорубочным топорам Скандинавии. Нет и капли сходства между британскими и датскими земледельцами. Крестьяне ниже Даунса считают, что находятся в родстве или просто схожи с племенами, живущими за каналом – южнее. Оттуда, как повествуют народные предания, их далекие предки пришли более тысячи лет назад. По другую сторону канала в густо заросших лесом Арденнах живут люди, имеющие такие же загоны для скота на вершинах холмов, ведущие схожий образ жизни и даже говорящие на понятном языке. В действительности некая незримая связь, чувство, что все они одной крови, распространено среди жителей лесов всей За-

падной Европы до тех мест, где леса Франции преодолевают бастион Альп или исчезают на солнечных холмах Средиземноморья.

Никто в те времена не мог объяснить это чувство родства и не связывал его с вплетенным в легенды и волшебные сказки древним народным преданием о том, что более двух тысячелетий назад предки всех земледельцев Европы к западу от Рейна переправились на этот девственный континент из Северной Африки. А Европа восточнее Рейна была заселена колонистами из Малой Азии, которые облюбовали долину Дуная и оттуда распространились по всей Европе. Все это было давно забыто. Осталось лишь чувство, что все западные районы связаны между собой, а обитатели долины Дуная восточнее Рейна немного другие.

Еще дальше на юг и запад, в самой южной области Испании, обитатели построенных на вершинах холмов городов начали бы энергично протестовать, если бы их назвали лесными жителями. На их горах растет не так уж много сосен, и они, в отличие от варваров остальной Европы, не выжигают леса, чтобы расчистить землю для обработки, и не перемещают свои селения с места на место каждые несколько лет. Их каменные города постоянны, укреплены стенами и рвами и занимают несколько акров земли. Они гордятся своим положением, эти смуглые, худощавые испанцы, чьи отары овец бродят по окрестным холмам. И если британские скотоводы

ищут свои истоки не далее чем на противоположном берегу канала, испанские пастухи никогда не забывали о том, что их предки приплыли из Африки.

Предполагаемая реконструкция деревни в Южной Германии в начале второго тысячелетия до н. э., основанная на раскопках в Айхбюле

Только они не оглядываются назад, а смотрят в будущее. Они не считают себя изолированными общинами, живущими на берегу величайшего океана. Они знают, что являются частью цивилизации. Как мы увидим, эти люди поддерживают связь с цивилизованным Востоком, и в собственных глазах они вполне прогрессивны. В их городах имеется достойный набор дворцов и храмов, кладбище, не менее впечатляющее, чем на Крите или в Египте. Самый явный признак прогресса – собственное бронзовое производство. Прошло всего лишь несколько поколений с тех пор, как изыскатели с Востока обнаружили залежи меди и олова, но производство уже налажено – и на экспорт, и для собственных нужд. Испанцы уверены, что скоро сами начнут нести цивилизацию

невежественным, использующим кремневые орудия варварам, которые живут в лесах северо-запада.

Не только европейцы считают себя цивилизованными и прогрессивными людьми. На Балканах и в долине Дуная тоже сформировались земледельческие общины, которые недавно сделали важнейший (по их мнению) шаг для перехода от кремневых орудий к бронзовым. Общеизвестно, что они лесные земледельцы, перемещающие свои деревни с места на место каждые несколько лет, как и лесные жители севера. Но их леса – это обширные лесистые равнины, где между деревьями достаточно места, чтобы могли проехать массивные телеги с впряженными в них быками. Они передвигаются все вместе, везя с собой все свои пожитки. А после того, как изыскатели из Малой Азии обнаружили в их горах залежи меди, они стали делать топоры и тесла из металла. В прямоугольных каркасных домах домашние хозяйки гордо выставляют на деревянных полках гончарные изделия, тщательно отполированные и украшенные желто-бело-красным орнаментом. Они, конечно, самодельные, но декоративные, как декоративно все, что можно ввезти из Малой Азии. Эти европейцы с симпатией культурных людей говорят о примитивном образе жизни на севере и западе, где гончарные изделия не украшают вообще, а если украшают, то мелом, втираемым в желобки. Их мужчины подвешивают на шнурок печатки и носят их на шее. Они понимают, что теперь, когда связь с Малой Азией стала более регулярной, важно иметь

возможность поставить собственный отличительный знак на свои изделия. А в городском совете уже давно ведутся разговоры о необходимости отправить группы молодых людей на юг, чтобы они научились читать и писать.

Да, в Европе все пришло в движение. Ветер перемен дует с юго-востока, и сельские труженики Европы готовы воспользоваться возможностями нового века. Цивилизованным людям есть что предложить на продажу – вопрос только в средствах для приобретения. И кто знает, если неожиданно наткнуться на залежи меди или олова на своей территории или обнаружить другой ходкий товар, возможно...

Сельскохозяйственные труженики Европы не заглядывали за пределы цивилизованных земель на юге и востоке. В этом направлении находились богатство и культура, в других – жили мрачные невежественные люди, и, если пройти достаточно далеко, там даже землю не возделывали. О возможности существования цивилизованных земель на другом конце света они не задумывались. (И вряд ли мы имеем право их за это упрекнуть, поскольку до последнего времени не обращали внимания на предысторию других регионов, интересуясь только теми, где существовали древние цивилизации, и Европой. Да и сейчас мы знаем о них немного.)

Южнее Сахары в те времена тянулся широкий пояс тропических лугов – от Гвинейского побережья на западе через верхнюю часть Нигерии в Судан, к верховьям Нила и горам

Абиссинии на востоке. К северу от него трава постепенно исчезает, уступая место пескам Сахары, а южнее переходит в леса Золотого Берега⁹ и Конго. Эта территория не уступает размерами Европе, и в начале второго тысячелетия до н. э. она тоже была заселена. Вернее, скажем так: существуют свидетельства, что она, вероятно, была заселена людьми, занимавшимися сельским хозяйством.

Они темнокожие, эти африканские крестьяне (которые являются предками большинства негров Америки), и живут небольшими общинами в тростниковых хижинах рядом со своими полями. О Европе они знают не больше, чем Европа знает о них, и их земледелие сильно отличается от того, которое ведут севернее Сахары и на побережье Средиземного моря. Они не выращивают ни пшеницу, ни ячмень, хотя расположенные на востоке общины находятся в опасной, нередко приводящей к стычкам близости от Египта, и знают о существовании ячменя и проса. Их существование основано на выращивании сорго и земляных орехов, тыквенных культур и дынь. Они охотятся, поскольку не имеют домашних животных, хотя на востоке люди переняли у египтян идею содержания овец и даже крупного рогатого скота.

Территория размером с Европу ничуть не менее разнообразна, чем Европа, и в ее разных частях люди живут по-разному. Например, нубийцы в Судане считают себя куда более культурными и цивилизованными, чем полуохотники-полу-

⁹ Золотой Берег – прежнее (до 1957 г.) название Ганы.

земледельцы, живущие на западе. Но везде сельское хозяйство уходит корнями в столь глубокую древность, что даже не сохранилось никаких преданий о его начале. Мы тоже знаем очень мало о его истоках. Ученые склонны датировать начало обработки земли в этом районе 4000 или даже 5000 г. до н. э., и нам остается только гадать, возникла ли идея окультуривания некоторых растений у местных жителей независимо или пришла из Египта. С такой проблемой мы столкнемся еще неоднократно и не присоединимся ни к сторонникам идеи независимого возникновения, ни к сторонникам идеи проникновения. Какое бы утверждение ни было истинным, все произошло намного раньше, чем начинается наша история. Как и в Европе, африканские фермеры используют только деревянные и каменные орудия, и немного бронзы (возможно, больше, чем мы считаем) выменивается на слоновую кость у египтян. Искусство ткачества и гончарное ремесло постепенно исчезают при продвижении с востока на запад. Жители западных областей довольствуются тыквами и корзинами, а отдельные предметы одежды делают из коры. Но даже на западе люди уже вовсе не темные дикари. У них есть свои деревенские советы, разделение труда, они складывают песни и передают из поколения в поколение легенды. Они рассказывают истории, и их генеалогическое древо уходит корнями на столетия в прошлое. Мы не должны предполагать, что они ничего о себе не знали, лишь потому, что о них ничего не знаем мы.

В трех других частях света, каждая из которых сравнима размерами с Европой, в начале второго тысячелетия до н. э. существовали группы общин, которые возделывали землю, чтобы обеспечить себя пропитанием. Каждая из них имела свои предания и легенды, отдельные языки и народности, войны, царей и династическую борьбу. И каждая состояла из мужчин и женщин, которые работали и играли, воевали и занимались любовью, тревожились о будущем урожае и ремонте крыши, а также о сохранении милости богов. Каждый человек знал, что его община – центр вселенной, был в курсе существования других общин, живущих на расстоянии одного-двух дней пути, и смутно осознавал общие размеры возделываемых площадей. Скорее всего, узнав, что мы приписываем ему это знание, он бы запротестовал, заявив, что более удаленные общины – совершенно другие по обычаям, языку и внешнему облику. Выражаясь современным языком, они отличаются, как лесоруб Лабрадора от мексиканского скотовода. С более или менее выраженным интересом, зависящим от того, насколько близко он живет к центру своего региона, он отнесется к информации, что «за забором» живут еще и другие люди, у которых совсем иной образ жизни – охотники, пастухи, кочевники, горожане.

В одном из таких районов, который протянулся от истоков Ганга через северо-восток Индии в Бирму, Сиам и Индокитай, люди хорошо знали, как и европейские лесные жи-

тели и, возможно, африканцы, о существовании развитых «промышленных» цивилизаций на своих границах. Города царств Индской долины располагались в основном в холмистой местности между Индом и Гангом, а один или два новых города недавно были построены возле самых верховьев Ганга. Торговцы и изыскатели, должно быть, спускались вниз по течению Ганга и привозили товары от городских производителей – главное, чтобы были средства для их приобретения. Итак, фермеры с отдаленных территорий Индии знали бронзу, как и их коллеги из европейской глубинки, но только в виде сказочно дорогих предметов роскоши, к приобретению которых люди стремились, как, например, сегодняшний житель Занзибара или островов Фиджи стремится к покупке радио.

Восточные индийцы довольствовались каменными орудиями труда, которыми, если верить преданиям, пользовались еще их предки – отполированными топорами, утяжеленными камнями палками-копалками и каменными дубинками. Умение выращивать зерновые культуры распространялось из Индской долины на восток, но по традиции фермеры там обычно выращивали рис. Когда начался первый год второго тысячелетия до н. э., они как раз готовились к весеннему севу. Джунгли необходимо выжигать в течение первых двух месяцев года. В выбранных районах на склонах холмов более крупные деревья были окольцованы¹⁰ еще в прошлом го-

¹⁰ Если окольцевать дерево, то есть прорезать его кору по кругу до самой дре-

ду. Теперь они стояли мертвые и могли быть легко повалены или, по крайней мере, частично подрублены, чтобы во время пожара упали сами. Подлесок и мелкие деревья на участке можно не валить, только пожарные разрывы следует очистить полностью, чтобы пожар не перекинулся на все джунгли.

День, когда горит огонь, – беспокойный для всех жителей деревни. Они все выходят из своих домов, построенных из глины и бамбука, и собираются в непрочных укрытиях рядом с выбранным участком. После принесения жертвы боже-ству огня и плодородия они поджигают подлесок, тщательно следя за направлением ветра, так чтобы огонь под силой ветра не преодолел пожарные разрывы. Собрались все мужчины и большинство женщин. Все они обнажены по пояс. Люди разжигают затухший огонь, сгребают недогоревшие ветки и кусты в специальные костры, направляют падение крупных деревьев. После того как огонь утихнет, с деревьев обрубают ветки и сжигают их, а стволы откатывают к границам участка для последующей постройки забора.

Вся работа длится около двух месяцев. Приготовлением пищи в это время занимаются старики и дети. Они также приносят воду рабочим, сгребают золу. В итоге участок оказывается безжизненным, почерневшим и пустым, если не считать обуглившихся пней. После этого мужчины могут возвращаться к охоте, за исключением тех, кто начинает

строить прочный забор, который должен защитить урожай от диких зверей.

Теперь участок должен отдохнуть, а зола – проникнуть в почву. В мае начинаются дожди, и можно начинать посев. Это дело женщин. Начиная с подножия склона, они медленно поднимаются вверх, выкапывая своими палками-копалками небольшие ямки на расстоянии около шести дюймов друг от друга и бросая в каждую четыре-пять зернышек горного риса. Больше ничего не требуется. Остается только периодически пропалывать сорняки. Рис не требует никакого другого ухода вплоть до сбора урожая.

Уборочная страда – тоже беспокойное время для всех жителей деревни. Рис срезают кремневыми серпами, обдают кипятком в больших глиняных горшках и затем смешивают с песком, докрасна раскаленным в глиняной печи. Когда смесь высыхает и песок удаляется просеиванием через плетеное сито, рис колотят в глубоких деревянных ступах, чтобы очистить от шелухи, а потом провеивают на плетеных подносах. Теперь рис готов к складированию в большие горшки в погребах домов. Еще один урожай собран.

Жизнь идет своим чередом – посев и уборка урожая, деревенские праздники с подношениями фруктов, цветов и рисовых лепешек богам. Год, ничем не отличающийся от других.

На Желтой реке в северной части Китая жизнь более орга-

низованна. Это время следующие поколения будут называть династией Ся, первой из многочисленных династий, следовавших за правлением трех великих императоров золотого века – Яо, Шуня и Юя. Однако император является всего лишь титулованным главой некоторого числа земледельческих деревень, расположенных в лесистой долине реки. Земледельцы очищают от леса землю для обработки при помощи каменных топоров и огня, поскольку бронза, хотя уже и известна, встречается редко. Он сеют просо и гаолян, выкармливают крупный рогатый скот, свиней и собак для еды. Их земледелие было во всех отношениях схожим с европейским. Но эти люди ничего не знали о Европе. Вероятно, они знали, откуда пошла их земледельческая культура, поскольку прошло не больше пяти или шести сотен лет с тех пор, как их предки-охотники начали выращивать для себя пищу. В отличие от них мы можем только догадываться. Представляется маловероятным, чтобы образ жизни, так схожий с тем, что вели в других северных земледельческих районах, развивался независимо. Но он не пришел с юга. Ведь между северной частью Китая и южными земледельцами, живущими в долине Ганга, лежит весь Южный Китай и Индокитай, земля гор и джунглей, обитатели которой ничего не знают о посевах и сборе урожая. Только на побережьях имеются разбросанные селения рыбаков, которые научились сажать таро и сладкий картофель, используя палки-копалки, и рисоводов. Но им интереснее продвигаться на острова юго-восто-

ка, чем в холодные зимы северных земель. Можно предположить, что идея ведения сельского хозяйства, выращивания проса и содержания домашних животных медленно двигалась от одного «оазиса» к другому вдоль северных подножий гор Тибетского плато и через обширные малонаселенные луга, тогда покрывавшие Такламакан и Коко-Нор.

Как на побережье Южного Китая, так и на берегах Перу существовали общины рыбаков и огородников. Только вряд ли необходимо принимать без доказательств гипотезу о перемещении через Тихий океан идеи о культивировании растений (хотя это объяснило бы присутствие хлопка на обоих берегах океана). Эти люди жили там же, где обитали их предки в течение пяти столетий или даже больше, на постепенно растущих насыпях из раковин мидий. Они питались в основном рыбой и моллюсками. Если же рыбакам очень везло, им удавалось поймать морского льва или морскую свинью. А на низких, частично заболоченных берегах реки люди выращивали перец и бобы, тыкву и хлопок. Их платки были цветными и затейливо сотканными и являлись единственным предметом одежды. Они не знали гончарного ремесла и, конечно, не понимали, что им не хватает предприимчивости. Что им могло понадобиться, кроме тыкв, которые они выращивают, корзин и сетей, которые они так умело плетут? Они не сомневались, что являются самыми продвинутыми людьми в мире, и чрезвычайно этим гордились.

Глава 3

Малонаселенные местности

В предыдущей главе мы говорили о многих местах, в которых жили люди. Но осталось еще великое множество территорий, которых мы не коснулись. Немало других мужчин и женщин, самых разных физических типов, видели восход солнца в первый день второго тысячелетия до н. э. При всей своей несхожести они имели одну общую черту – принимали мир таким, как он есть. Они жили тем, что этот мир мог им дать, и не стремились, как многие их потомки, изменить природу в более благоприятном для себя направлении. Вместо того чтобы выращивать то, что они хотели бы есть, они ели то, что природа позволяла им вырастить. Вместо того чтобы одомашнивать животных, мясо и мех которых они хотели бы использовать, они использовали мясо и мех тех животных, которые волею случая жили рядом с ними. Они – рыбаки и охотники, собиратели диких плодов.

За исключением тех, кто жил неподалеку от земледельческих и скотоводческих общин, они даже не знают, что имеют выбор. Никакого другого образа жизни никогда не существовало. Никакой другой образ жизни не представлялся даже отдаленно постижимым. Рыба, дичь и съедобные растения – единственное, что может съесть человек, и получить их можно только одним способом – добыть своими руками.

Солнце, принесшее в города и деревни Нила первый день нового тысячелетия и уже начавшее освещать небо над дынными полями и соломенными хижинами нигерийских земледельцев, застало охотников южноафриканского вельда уже бодрствующими. Они готовились преследовать дичь как раз с того места, где их накануне настигла тьма – закатилось солнце последнего дня третьего тысячелетия до н. э. Обычная команда охотников – не более четырех человек – уже три дня преследовала раненого жирафа. Судя по следам, животное уже изрядно ослабело – сказывался яд, которым были покрыты закаленные в огне наконечники стрел. Расстояние между преследователями и дичью быстро сокращалось. Лишь только на землю упали первые лучи рассвета, люди снова устремились по следу, отметив, что зверь все чаще останавливается, чтобы передохнуть. Они автоматически выискивают все съедобное по пути – схватили ящерицу, мимоходом испугнули жаворонка из гнезда, сделали короткую остановку, чтобы выкопать съедобные клубни.

Бушмены вельда – маленькие чернокожие люди, по росту почти пигмеи. Они худые, но чрезвычайно выносливые. Идя по следу, они переговариваются между собой. Охотники пребывают в хорошем расположении духа, поскольку уверены, что на этот раз охота будет успешной. Прежде чем они отправились в путь пять дней назад, самый старший из них нарисовал жирафа на стене пещеры-храма. Нет никаких сомнений, что именно этот рисунок привел под их стрелы жи-

рафа, которого они теперь преследуют. Рисунок все еще действует – и очень скоро жираф упадет.

Ближе к вечеру охотники увидели свою дичь. Жираф стоял на широко расставленных ногах, с поникшей головой в тени деревьев. При их приближении он попытался бежать, но споткнулся и устало повернул к ним голову, словно желая в последний раз взглянуть на своих мучителей. Они держались на расстоянии, вне пределов досягаемости все еще опасных копыт, и нацеливали свои стрелы в область сердца. Потребовалось еще шесть стрел, прежде чем величественное животное содрогнулось всем телом, сделало два неуверенных шага и рухнуло на землю. Охотники добились зверя каменными ножами. Потом трое остались, чтобы снять шкуру и разделать мертвое животное, используя те же самые ножи, а четвертый пустился в долгий обратный путь, чтобы привести остальных членов семьи.

Такое количество мяса невозможно транспортировать в дом, сооруженный у ямы, в которой собирается вода, под невысокой горой. Семье придется, как это уже неоднократно случалось раньше, самой прийти к мясу. Часть его можно высушить на солнце для последующего использования, но большинство придется съесть на месте в течение нескольких дней, прежде чем оно протухнет и станет неудобоваримым даже для закаленных желудков. Они будут набивать брюхо, пока есть возможность, и голодать, когда еды не будет. Такова жизнь охотников.

Семья – старики, женщины и дети, – услышав сообщение, немедленно снимается с места. Их единственные пожитки – одна или две шкуры для укрытия, колчан стрел и корзина или две с запасными каменными ножами и скребками, а также несколько кореньев для приготовления яда, чтобы смазать стрелы. Все это несут женщины, а у стариков в руках маски и обезьяньи хвосты, и еще краски – все это важнее, чем оружие, когда речь идет об охотничьей удаче. Люди отправляются в путь через колючий кустарник, обнаженные и в отличном расположении духа.

Повсюду, где тепло, можно наблюдать в основном такую же картину. В тропических лесах Конго и Амазонки охота ведется на разных зверей, собирают различные растения, клубни и мелкую дичь. У людей разная наружность, они говорят на не похожих языках. Но ежедневные проблемы и ежедневные радости одинаковы. В Южной Индии и в Австралии, а также на островах между ними (но не в Новой Зеландии и на тихоокеанских островах, пока еще человеку не известных) узнаваемые родственники южноафриканских бушменов ведут узнаваемо одинаковую жизнь. Но великая миграция, разбросавшая австралоидов на полмира, прошла много тысячелетий назад, и века стерли память о ней. Теперь разбросанные общины не знают никакой другой земли, кроме своей собственной. Их горизонт ограничен их охотничьими угодьями, и родовые общины даже редко пересекаются друг с другом, хотя существует правило, что мужчины

должны искать себе женщин вне своей общины.

В этой книге мы больше не встретимся с охотниками из тропических лесов. Для них наступившее тысячелетие не принесло коренных изменений в образе жизни, и, за исключением редких случаев, они никак не будут связаны с нашим рассказом. Но мы не забудем, что охотники присутствуют рядом, населяют обширные территории и составляют существенную часть мирового населения. И пока в Европе и на Ближнем Востоке происходят события, сведения о которых остались в документальных источниках, охотники рождаются и умирают, их поколения сменяют друг друга. Они занимают свое место в истории человечества, как любой образованный житель Ура, Фив или Хараппы.

В первый день января 2000 г. до н. э. над арктическими просторами солнце не появляется. Но в этих холодных, пустынных местах на берегах полярных морей тоже живут люди. В серых сумерках арктического дня они собрались в землянках, сделанных из камней и земли, и чувствуют себя вполне уютно, поскольку масляные лампы дают и свет, и тепло. Рассвет нового тысячелетия они проспали. А зачем, собственно говоря, рано просыпаться? В тайниках, установленных на шестах, чтобы не достали волки и лисы, сложено продовольствие на много недель вперед – целые туши северных оленей и тюленей, много замороженной рыбы. Пока нет необходимости охотиться. Хотя до весенней оттепели

еще далеко, и будет разумно, если стихнет ветер, подойти к проруби во льду и с позволения богов загарпунить тюленя. В конце концов, тюленей слишком много не бывает, и зимнее поселение размещено на самом берегу моря как раз с учетом этого обстоятельства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.